

КЕННА София пейзажа

Когда молчит волна,
Ведь не желает разбудить она восход,
Молчу и я – как сладка тишина!
(Импровизация автора в стиле хокку)

Имя Майкла Кенны в мировой пейзажной черно-белой фотографии давно стало нарицательным. Кенна – это зеркальная гладь прибрежных вод, Кенна – это одиноко стоящее дерево посреди занесенных снегом холмов, Кенна – это покой уставших от нас за день бетонных конструкций и парковых аллей, Кенна – это медитативное настроение, трансцендентная музыка ландшафтов, полоски осеннего дыма, словно оторванные ветром ленточки нашей памяти. Кенна – это приглашение войти в дворик полузабытого в горах японского храма, Кенна – это желание оста-

новить время, чтобы пощупать его метафизическое тело, Кенна – это сон человека о мире, из которого он ненадолго ушел, но вот-вот вернется. И будет жить как прежде, и ничего не произойдет, ничего не изменится, а ускользающее сквозь пальцы время так и не умерит свой темп...

■ Тории

Такашима, Хонсю, Япония. 2002
Тории, в синтоистских храмах, – ворота, отделяющие мир богов от мира людей. Снимок-аллюзия на то, что божественное рядом с нами, стоит только взглянуть через эти ворота, и прозрение явится достойному в виде яркого сияния на горизонте

■ [Слева] Сложенные шезлонги Борнемут, Дорсет, Англия. 1983
Тогда Майклу было всего лишь 30 лет, а он уже нащупал свой своеобразный фотостиль, теснее всего коррелирующий с его внутренними переживаниями. Если долго смотреть на этот снимок, можно вообразить ситуацию, когда человек исчезнет с лица земли, а все его «вещи» будут стоять там, где он их в последний раз оставил. Становится немного не по себе...

Ода скромности

Свершилось – один из самых прославленных арт-фотографов современности дает эксклюзивное интервью украинскому изданию DP. «Нет, пожалуйста, не нужно превосходных степеней сравнения. Возможно, где-то в чем-то мне повезло. Но я всего лишь пытаюсь нащупать свой стиль, до сих пор пытаюсь. Я не считаю себя основоположником какого-то направления, никогда не стремился к созданию собственной школы. Зато других авторов часто ставил себе в пример. Мои снимки перестают мне принадлежать, как только они переступают через порог студии. А уж о какой-либо принадлежности объектов съемки конкретному фотографу и вовсе не стоит говорить.

Мое счастье, если удастся найти с миром общий язык, не смутить, не потревожить, не разозлить его, в конце концов. Я стараюсь, но прекрасно понимаю, что все мои попытки будут считаться тем успешнее, чем в меньшей мере они, заключенные в форму двухмерных отпечатков, исказят красоту, энергию и величие нашего трехмерного бытия».

Работы маэстро Кенны уходят с аукционов за десятки тысяч долларов, представлены в 70 музеях мира и стали предметом 30 фотографических монографий, выпущенных на протяжении последних 20 лет. Кенна, чье имя Google находит в разноязычном Интернет-контексте сотни тысяч раз, открывает свое очередное интервью умяляющими собственное значение фразами. Никогда в жизни он не занимался самолюбованием. Возможно, только через собственные фотоотпечатки.

Сложно не заметить свое отражение в отполированной длинной выдержкой поверхности воды. «Мастер научил меня сбалансировать тональностями композицию квадратного отпечатка, с помощью затемнения и осветления прокладывать по его плоскости траекторию зрительского восприятия», – говорит о Кенне его недавний ученик, а нынче поемногу приобретающий статус культового фотографа, Рольф Хорн. «Его снимки выступают в роли зеркал, в которые могут заглянуть душа и совесть зрителя. Несомненно, они имеют несколько функций, и одной из таких функций является наведение

■ Замерзший фонарь в гавани Токару, Хоккайдо, Япония, 2005
Неожиданно глубокая предметность часто встречается в работах Кенны. Причем не столько его интересует сам предмет, сколько его микромир. Так и хочется пожалеть этот фонарь – вон какая на него глыба уцепилась

коммуникационных мостов между несколькими островами: Кенной-художником, Кенной-человеком, реальным миром, миром «темной комнаты» Кенны, как олицетворение алхимии фотографических процессов, а также миром фантазии и чувственного постижения зрителя», – объясняла известная американская фотохудожница и наставница Кенны Рут Бернхард, комментируя появившуюся на страницах глянцевого журнала ретроспективу работ автора. «Почему мне нравятся работы Майкла? Прежде всего, потому что они антидетские по отношению к неэмоциональным, фотографически расчётливым, декларативным работам многих его современников. Майкл – пикториалист, облачающий свое фотоискусство в мантию актуальных философских идей, родившихся в результате столкновения духовно-уравновешенного Востока и духовно-истощенного Запада... Он славный парень, поскольку продолжает гнуть свою линию, угождать только себе, несмотря на соблазнительно щедрый спрос на его личность и творчество», – а это слова Билла Дженя, журналиста из Сан-Диего, знакомого с фотографом на протяжении 25 лет. Можно было бы привести еще дюжину цитат, высказанных друзьями, критиками, издателями и просто

почитателями таланта Кенны, которые воспевают, например, его скромность, смиренность, самокритичность, терпеливость, сострадательность – все добродетели из азбуки дзен-буддизма. А ведь именно его духом пронизано творчество Кенны. Но давайте все же, поскольку возникла такая уникальная возможность, представим, что этот легендарный фотограф раскрывает свою душу только для нас, и делает это впервые.

Чистые помыслы и смелые надежды

Почему бы и нет? Например, вполне можно было бы вообразить нашего собеседника в совершенно ином амплуа, скажем, в рясе католического священника. Ведь многие работы Кенны действуют умиротворяюще. Причем, не только по-буддистки созерцательно, но и по-христиански жертвенно. Однако мысли о священнослужении, как занятия всей жизни, зародились в голове нашего героя значительно раньше, чем какие-либо фотоувлеченности. Вероятно, в детстве он считал, что только Господь Бог в силах закупорить всю эту химико-промышленную клоаку, угнетающую его в родном городке Виднес, что в графстве Ланкашир

на северо-западе Англии. Майкл рос в семье рабочего вместе с пятью братьями и сестрами, которым, казалось, было суждено тоже пополнить ряды британского пролетариата. Отец будущего фотографа имел большущие руки, вечно запачканные машинным маслом, а от его одежды всегда пахло гарью нагретых станочных моторов. И все же, несмотря на тяжелый труд и часто материально неблагополучное положение семьи, отец никогда не падал духом. Доставшаяся ему от предков-ирландцев гордость морских ветров, стойкость колючих каменных утесов и упорство волн он передавал своим детям. Конечно, в нем текла чистая рабочая кровь, но сложно было вообразить его на месте персонажа знаменитого угледобытчика Билла Брандта (снимок Coal-searcher going home, Jarrow, 1937). И хотя Майкл тщательно рассматривал эту фотографию, буквально заучив все ее плотные тональные изгибы, позу персонажа, расположение руля велосипеда в кадре и даже длину проработанной осветлителем дорожки, никогда ему и в голову не приходили сознательные ассоциации со своим отцом.

Но детство есть детство, со своими комплексами, страхами, большими и наивными желаниями. Чувствительная душа

© Michael Kenna

profile: Michael Kenna

▶ Майкла, появившаяся на свет среди изначально враждебного ей промышленного смога, жаждала тишины и умиротворения. Едва ли не единственным укрытием от скрежета машин и ругани рабочих во всем Виднесе для него стала церковь. Станным образом это помещение преображало людей: их уставший от резких звуков внешнего мира слух быстро приспосабливался к церковному шепоту, еще быстрее они привыкали к тонким ароматам кожаных переплетов копий Библии.

Майкл, не противясь своей натуре, тянулся к церкви. Семь лет учебы в школе при духовной семинарии должны были подготовить его к намеченному пути служения Богу. Кенна неизменно участвовал в проведении богослужений. Разумеется, он не отвергал и свои художественные дарования – Майкл неплохо рисовал. Но в то время это можно было бы практиковать как хобби, в свободное от обязанностей священнослужителя время. Сегодня Кенна, размышляя над тем, что же привело его в лоно фотографии, первостепенную роль все же отводит не творческому дарованию, а стремлению к познанию мира.

«Кенна – не фотограф-пейзажист в классическом понимании. Ему важно услышать мнение природы о действиях людей»

С одной стороны его окружала безопасная, но во многих отношениях затворническая, келья христианского мироощущения. С другой – хаотический, бессмысленный, злобный и зловонный воздух промышленного северо-запада, в который, тем не менее, врываются случайные потоки свежести влажных ирландских долин.

Решение

Еще в детстве Майкл придумывал себе странные, как для ребенка из простой семьи, увлечения. Можно догадаться, что его тонкая натура искала уединения, – это вполне типичная участь творчески талантливых людей. Свое одиночество Майкл коротал в изобретении игр, в которых бы ему не нужны были партнеры. Например, он любил написать на обрывках бумаги свое имя, текущую дату и дату рождения, какие-то заметки, детские наблюдения и спрятать все эти записки в укромных уголках своего дома, двора или соседнего парка. «По сути, я сражался со временем, – рассказывает фотограф. – Целью игры было опередить минуты, отыскать спрятанные записки как можно быстрее.

© Michael Kenna

© Michael Kenna

■ [Вверху] **Забор, пересекающий холм. Набросок 2**
Тешикага, Хоккайдо, Япония. 2002
Такие снимки являются торговой маркой Кенны. Забор, две плоскости и тишина – вот основные элементы композиции работы. И здесь последний – самый главный. Попробуйте воспринять снимок в атмосфере шума и хаоса. Вряд ли что-то получится. Тишина заставляет человека сильнее напрягать слух. Душа общается с нами только в полной тишине

■ [Слева] **Falaise d'Aval La Nuit**
Этретат, Франция, 2000
Глядя на снимок, нельзя не вспомнить старые французские фильмы, где главный герой, терзаемый сомнениями, приезжает на уединенный пляж как-то осенью или зимой, и, оставив автомобиль прямо у моря, прохаживается вдоль берега в демисезонном пальто или в сером плаще с высоко поднятым воротником, засунув руки в карманы и наклонив голову

■ [Справа] **Первый снег**
Сояя Кьюрье, Хоккайдо, Япония. 2004
Напряженные борозды грунта присыпало ранним снегом. Может быть, укрытая белым ковром, земля успокоится, и предастся медитативным раздумьям?

Память, время, как метафизическая субстанция, терпение, перемены – это ключевые темы моего фотоанализа длинной в жизнь». Темы, очень хорошо вписывающиеся в рамки философских определений. Почему бы действительно не искать их разъяснения, или хотя бы утешения в при-

емной Бога? Ответ прост: Кенна нуждался в духовном опыте, однако, как он позже поймет, все-таки через соприкосновение с материальным миром.

К 17 годам он передумал становиться священником. На какое-то время заменой рели-

гиозной отдушины стало рисование. Совсем неожиданно и очень кстати в восприимчивом юноше стали просыпаться добрые демоны практической смекалки. Со стороны отца не было никаких возражений: умудренный опытом, не сломленный тяжелыми обсто-

ятельствами, а наоборот, облагороженный ими, трудяга Кенна-старший практически ничего не знал о живописи, но всем своим существом благословлял сына на этот путь. Кенна-младший останется ему благодарным за эту поддержку на всю жизнь.

В 70-х годах 20-го века британская арт-сцена представала не в самом радужном свете. Активные евроинтеграционные процессы застали экономику неподготовленной к новым вызовам, что совпало с неблагоприятным периодом роста мировых цен на

profile: Michael Kenna

сырьевые ресурсы. Людям стало хуже жить, усилилась безработица. В таких условиях спрос общества на прекрасное быстро уступил спросу на сытное, и съедобное вообще. Майкл чувствовал, что на одной художественной диете он долго не протянет, и интуитивно потянулся к тому, что имело неплохие шансы быть проданным, и в рамках чего можно исследовать мир через индивидуальное творчество.

Несмотря на все сложности экономического характера английская фотография массовой направленности в те годы переживала довольно бурный период. Благодаря постоянному усовершенствованию компактных камер, она настойчиво проникала в широкие слои населения. Параллельно рос спрос на ландшафтные фотокартинки, словно на какие-то чудодейственные пилюли, как будто они лечили больше, чем реальная жизнь за окном. Успешные производители таких фотографий становились едва ли не предметами общенациональной гордости, с новой для себя деловитостью зарабатывая на них большие деньги. Росту популярности профессии фотографа способствовали и писатели вместе с кинорежиссерами. Вспомним хотя бы рассказ

Хулио Кортасара «Слюни дьявола» и снятый по его мотивам фильм Антониони «Фотоувеличение». Действие последнего как раз и разворачивается в Лондоне середины 60-х. Главное действующее лицо картины итальянского режиссера – молодой фэшн-фотограф, окруженный толпами симпатичных девиц и лихо колесящий на своем открытом «Роллс-Ройсе» по улицам города. Кто знает, скольких будущих мастеров вдохновил его образ, – далеко не идеальный, перегруженный проблемами идентификации действительности, но, тем не менее, отражающий духовное состояние и надежды своего поколения.

Фотографию для себя Кенна открыл во время годичной учебы в колледже искусств. Безусловно, за такой короткий период Майкл не мог познать все тайные тропы, через которые в царство светописы впускались избранные. До озарения мастера ему было еще далеко. Зато в выгодном свете ему представились перспективы занятия коммерческой фотографией, и очень скоро Кенна уже рассылавал свои анкеты с первыми примерами работ в колледжи, где имелись фотоотделения. И его так и приняли в Лондонский колледж печатного дела.

© Michael Kenna

■ [Вверху] **Царская лоджия**
Петергоф, Финский залив, Россия, 1999.
В период 1999-2000 года Майкл несколько раз посетил Россию. В основном Петербург и окрестности. Богатая культурная история этих мест, изобилие барочных узоров фасадов дворцов, Эрмитаж, скульптурные композиции Петергофа – вся эта российско-царская культурная роскошь довольно сильно контрастирует с воспоминаниями о рабоче-крестьянских переворотах

■ [Слева] **Набросок 49**
Сталелитейный комплекс Rouge Steel, Детройт, США. 1994
Даже в пределах этой, казалось бы, однозначно-промышленной серии разные снимки вызывают совершенно полярные чувства и ассоциации. Этот корабль-призрак тихо стонет свою песнь-тоску о море

На ощупь с фотографией

Исходя из названия учебного заведения, становится понятно, какой именно стороне фотографии здесь уделялось повышенное внимание. Первой работой Майкла после окончания колледжа стало ассистирование известному рекламному фотографу Энтони Блейку в его «темной комнате». Но до этого Кенна уже успел познакомиться с творчеством таких грандов, как Анри Картье-Брессон, Корнелл Капа, Марк Рибу и Жак-Анри Лартиг, – благодаря должности агента по продажам в стоковом агентстве Джона Хиллельсона, располагавшемся на известной Флит-стрит. «Наверное, если бы я напрягся, то ощутил бы, как снимки этих великих фотографов проникают мне в кровь, и, циркулируя по всему телу, оседают где-то в районе мозга», – говорит

© Michael Kenna

© Michael Kenne

■ **Дворец ветра, набросок 1**

Джайпур, Индия, 2006

Индия – колыбель буддизма. Ее Кенна только начинает для себя открывать.

Можно представить, какую щемящую тоску испытывает фотограф, понимая, сколько жизней ему потребуется, чтобы хотя бы частично передать дух этой страны

с прудами, коровами и беспечными тучками Джона Констебла, грандиозная строгость гор и мистицизм сонных долин Каспара Фридриха. Правда, вдохновение это имело действие в плоскости ощущения причастности к миру изобразительного искусства. Конечно же, Кенна никогда не подражал вышеназванным художникам, а лишь старался их понять. Настоящими же, практическими источниками вдохновения становились работы фотографов Билла Брандта, Йозефа Судека, Эжена Атже и даже великого Штиглица (Stieglitz).

Брандт и Со. В жизни Кенны

Чтобы не говорилось, а так, чтобы художник рос в атмосфере творческого вакуума, не бывает. Что-то было сделано до него, что-то послужило мощным стимулом к созданию нового, что-то, некогда усвоенное, позже позабытое, всплыло в поздних работах художника. Об этом он и сам может не догадываться, зато все подмечают зоркие критики. В сегодняшних работах Кенны есть достаточно Брандта (раньше было больше), немного Атже, поменьше Штиглица, присутствует Кертеш, имеет место быть Брассе, замечен и Майнор Уайт. Конечно же, если разложить по кусочкам творчество любого фотохудожника, то можно усмотреть в нем сотни влияний. Больше всего в квадратах Кенны, простите за каламбур, самого Кенны. «Ну, если уж

Кенна. Помимо продаж и практики работы в «темной комнате» время от времени ему доставались и репортерские заказы. Конечно, фотографируя для газет, Майкл получал больше морального удовлетворения, чем, скажем, отработывая портретную фотосессию в театре, или где-нибудь вблизи звукозаписывающей студии снимая молоденьких поп-звезд для обложек пластинок. Однако ничто тогда не могло сравниться с тем счастьем, которое он ощущал, находясь наедине с умиротворяющими пейзажами.

Самостоятельные заработки позволили Майклу почувствовать свободу рельсов и автомобильных дорог, и он поспешил открывать для себя исконную Британию полусонных бледно-зеленых холмов, редких рощиц и мелких ручейков. Такие пейзажи очаровывали фотографа своим контрастом с навсегда врезавшимися в память образами мрачных промышленных

районов родного северо-запада Англии. На противоположности образов из сферы пережитого им опыта строилась формула понимания сути искусства: для Майкла это стал поиск красоты окружающего мира. «В целом правильное направление, но

слишком идеалистическое. По крайней мере, если говорить о той преследуемой мною неуловимой красоте», – Майкл Кенна довольно строг к себе. Какое-то время его вдохновляли динамичные туманы художника Уильяма Тернера, лужайки

© Michael Kenne

■ **55 птиц**

Уолвертон, графство Бакингемшир, Англия. 1991

Снимки Кенны – это не только трехстишия хокку, но и философская притча с элементами юмора в стиле дзен-буддизма. Мы можем посчитать птиц, которых миллиарды на земле, но не можем счесть стадо домашних овец, разбросанное в тумане. Не бывает одинаковых моментов, и, не успев наступить, уникальный момент уже растворился в водовороте времени. Этот снимок отчетливо демонстрирует правоту таких слов

profile: Michael Kenna

▶▶ на чистоту, то вторую позицию из сферы влияния делят Брандт с Атже», – смеется Майкл. В чем же сказалося это влияние?

Билл Брандт, несмотря на общепринятое мнение, не является чистокровным английским фотографом по происхождению, хотя его творчество и концентрировалось вокруг британского социального очага. В отличие от творчества Кенны, фотография Брандта охватывает самые разнообразные жанры – от социальной документалистики до экспериментаторского ню; насыщена глубоким психологизмом портретов исторических знаменитостей и лиричностью британских ландшафтов. Кенна не снимает людей, Брандт же, рисуя их образы, последовательно формировал свой индивидуальный стиль, как считают многие, едва ли не впервые в истории фотографии. Первый успех пришел к нему после создания серии снимков представителей английского общества 30-х годов, расколотого классово-социальными диспропорциями.

Став признанным мастером-портретистом, Брандт, подобно своему другу французскому фотографу венгерского происхождения Брассе, снял целый ряд ночных работ, выискивая сюжеты на улицах

Лондона после захода солнца. Результатом ночных походов Брандта стала еще одна достаточно злободневная серия снимков под названием A Night in London. Наконец, апогеем социально-небезразличного творческого периода фотографа является не менее острый, чем два предыдущих, грандиозный фоторепортаж о вызванных неблагоприятной экономической ситуацией бедствиях жителей центральных и северо-западных графств Англии. Тот самый сторбленный угледобытчик – иконографический символ одного сплошного фотоэссе Брандта длиной в несколько лет.

Увлечение Брандтом со стороны Кенны, очевидно, мотивировалось переживаниями юности – те образы промышленного северо-запада, которые увековечил великий фотограф, не могли не вызвать у нашего героя определенный душевный резонанс. При всем том переживал он их по-своему. Сначала Майкл просто посещал «места боевой фотославы» Билла Брандта и с хирургической точностью воспроизводил его контрастные ч/б пейзажи. Ему не нужны были никакие сенсации или скандалы, он лишь пытался понять, что именно привлекало Брандта как фотографа, и как

© Michael Kenna

■ [Вверху] **Морские скалы Хашикуй** Кушимото, Хонсю, Япония. 2002

С помощью затемнения и осветления Кенна устраняет из кадра все лишнее и однозначно акцентирует наше внимание на основных элементах. Зачастую ночная выдержка превращает скалы в корявые иероглифы духовных переживаний человека

■ [Слева] **Пруд на территории храма Санбох-ин**, Коясан, Япония, 2006

Здесь выдержка относительно коротка, но ее хватило для того, чтобы передать мистическую атмосферу пруда, наверное, это соответствует представлениям монахов синтоистского храма. В основе синтоизма лежит культ божеств природы и почитания всего живого

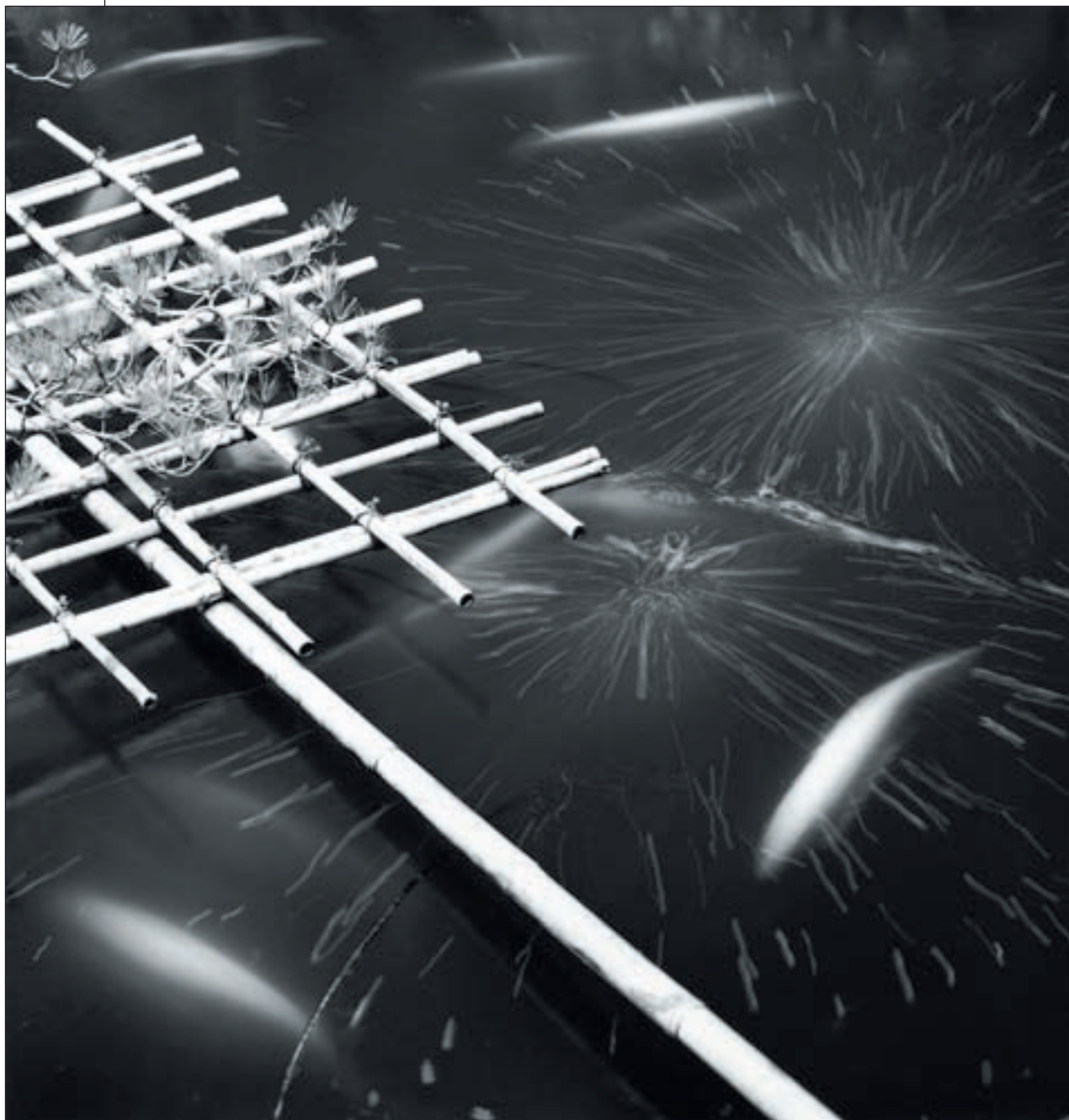
■ [Справа] **Пирс, покрытый снегом** Киехама, Хоккайдо, Япония. 2004

Длинная выдержка превратила небо в набегающие волны. Осветлением Майкл полностью убрал фактуру снега. Остались только формы. Но почему же, когда ничего не отвлекает, мы все равно не хотим вслушаться?

он трактовал увиденное. Самая известная репродукция одного из снимков Брандта, выполненная Кенной в 1986-м году, – изображение залитого лунным светом каменного прохода между домами в Галифаксе. Майкл сделал ее, чтобы почтить память умершего тремя годами раньше фотографа-классика.

В мире Кенны навсегда остался след от творчества Брандта. Об этом свидетельствует и серия его работ, посвященная электростанции в Рэтклиффе. Майкл работал над ней на протяжении 19 лет. Подавляющее большинство снимков составляют огромные дымящиеся трубы, иногда клубы дыма размазаны сверхдлинной выдержкой, что

© Michael Kenna

делает их похожими на шлейфы комет. Бетонные исполины сняты с различных ракурсов, не лишенных абстрактной интерпретации, их разнообразие, наверняка, одобрил бы сам родоначальник конструктивизма Александр Родченко. А тот же Тернер умилился бы воздушной динамичностью дыма.

Весьма спорный вопрос – нужна ли чрезмерная поэтизация этих Франкенштейнов энергетического голода человечества, существование которых абсолютно аморально с позиций эстетики вечности и красоты. Что же означает сращение этих труб посреди «лунных» долин Англии для самого Кенны? Трубы чадили, когда он появился на свет, трубы продолжают чадить

«Негатив – это ваш новый мир, необработанная почва, требующая смелого плуга талантливого земледельца»

и сегодня. Но Кенна никогда не был политизированным экологом, потому что он, прежде всего, художник. Трубы – ведь тоже часть нашего ландшафта. А может быть они источают дым наших тщетных надежд, может быть, в нем растворяются тела умерших, попадая таким образом в Валгаллу? Кенну интересует не только консистенция дыма, но и форма труб, фактура их поверхностей, геометрия расположения в пространстве. Он – созерцатель. Медитация посредством созерцания дымящихся труб электростанции, не кощунственно ли это

в некоторой мере? Вероятно, можно было бы предъявлять такие претензии, если бы автор занимался сознательным поиском любых зачатков красоты в том, что противоестественно. Но не спроста он на протяжении многих лет посещал территорию реттклифской электростанции, в графстве Ноттингемшир, стараясь уберечь свое воображение от предварительных концепций, программных визуальных выводов и моральных умозаключений. Он приближался к трубам с чистым сознанием художника-первооткрывателя, начинающе-

го постигать свой объект лишь во время длительной выдержки, и продолжающего диалог познания в «темной комнате» при печати фотографий...

Майкл и Рут

Пришло время заговорить о печати. «Я учился в специализированном заведении. Был лучшим в группе, рано начал приобретать практический опыт, да и вообще, как-то шло у меня это дело». Но Майклу тогда лишь казалось, что «шло», ведь впереди его ожидала встреча

© Michael Kenna

profile: Michael Kenna

© Michael Kenna

► с кудесником фотопечати, женщиной-легендой в своей области, неистощимой творческой личностью – с Рут Бернхард. Но обо всем по порядку.

Успешно окончив колледж, Майкл какое-то время «перебивался» коммерческими заказами. Но разве этого он хотел? Вот он, профессиональный фотограф с камерой в руках, рисует светом. Правда, рисует по желанию заказчика, не имея свободного выбора, постепенно все больше вовлекаясь в хоровод деловых обязательств. Борьба за репутацию, хроническое отсутствие свободного времени, депрессия творческого застоя, и так далее. Приблизительно так, как у мечащегося героя фильма Антониони. И тогда, почувствовав себя загнанным в угол, фотохудожник Кенна снова воззвал к добрым демонам практической смекалки. Их ответ был следующим: «Если останешься в Англии, превратишься в коммерческого фотографа и растратишь весь свой творческий потенциал. А не съездить ли тебе в Америку?»

Стоит заметить, что в те годы галерейного движения в Британии практически не существовало. Если рассматривать Европу в целом, фотографическая арт-сцена еще

■ [Вверху] Забор, занесенный песком
Кале, Франция. 1999

Графика композиции усилена применением изрядного затемнения и осветления. Настолько сочное тональное противопоставление, что даже «слюнки текут»

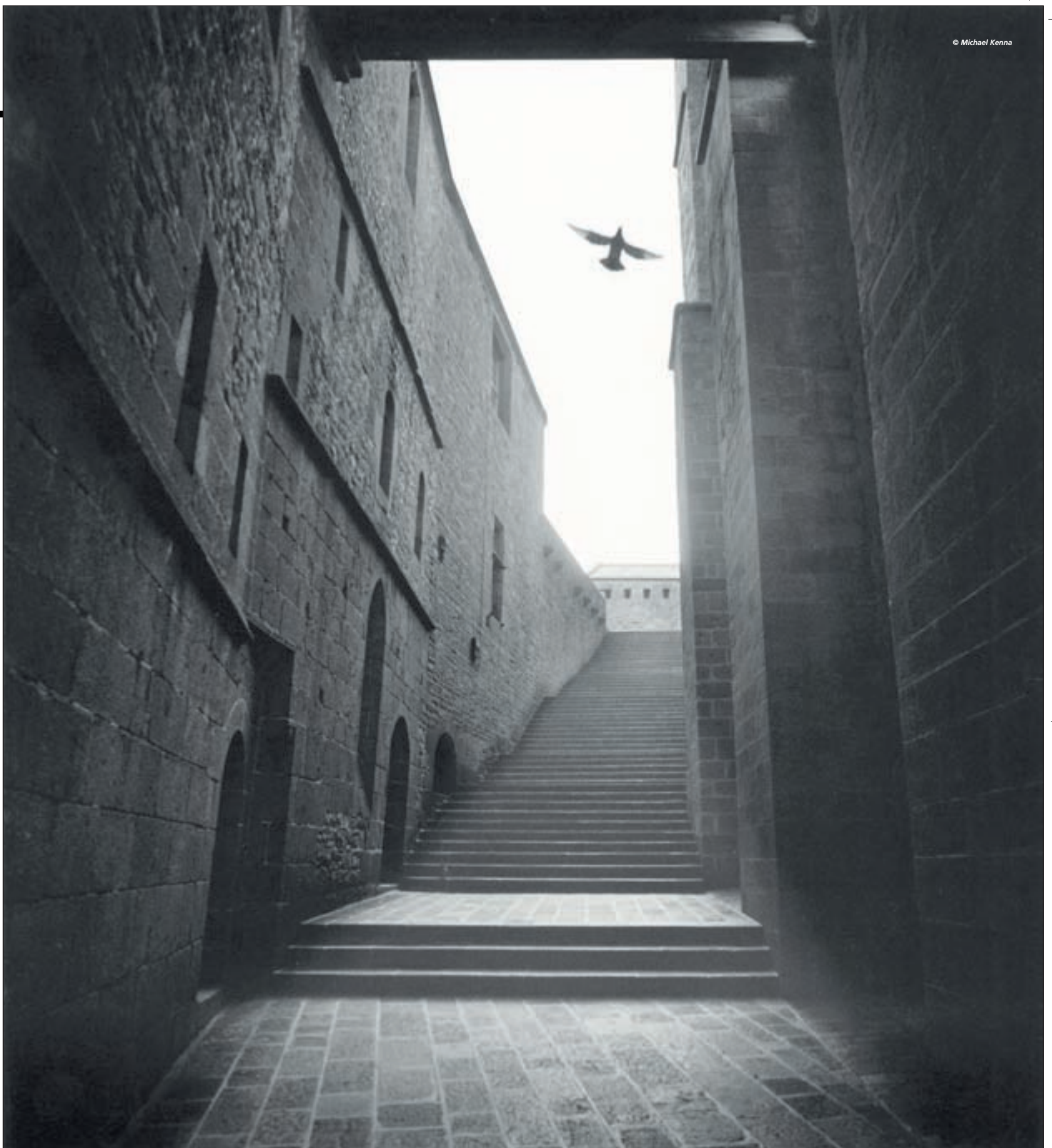
■ [Справа] Набросок 7.
Кружневая фабрика в Кале.
Англия, 1993

Еще один долгосрочный проект Кенны – серия работ о пришедшей в упадок фабрике кружев в городе Кале. Впервые он обратился к съемке интерьеров. Недавно закрытая фабрика по-прежнему держалась на машинах и технологиях, произведенных в конце 19-го века. Когда Майкл фотографировал внутри, он думал об отце – его мастеровой и всех тех инструментах, к которым он прикасался

как-то была представлена; по крайней мере, организационно-выставочные вопросы курировались более-менее постоянно. Но заложенные под это финансовые средства (на фоне тех реальных покупательских активов, которые уже существовали в США)

© Michael Kenna

■ **Приходите помолиться**
Монт Сент-Мишель. Франция. 1994
Почти фантастическая работа. Птица, пролетая над пустым городом, кличет «всех» на молитву в католический собор. Зритель невольно ощущает, что обращение адресовано именно ему. В таких случаях Кенна говорит о своих работах, как о подготовленных для выхода всех желающих сценах

казались лишь тонким и хрупким каркасом. Откровенно говоря: не мог некоммерческий фотограф, а тем более, выбравший в качестве основного направления своего творчества «атмосферные» ч/б пейзажи, рассчитывать на пристойное существование в Европе, не говоря уже об Англии.

Впервые попав в США еще в 1976-м, Кенна был удивлен количеством галерей, заполненных предметами фотоискусства, которые весьма неплохо продавались.

После непродолжительных мытарств по Лондону он почувствовал, что жизнь связывает его с госпожой по имени Америка. Точнее, имя женщины, принявшей Майкла в свое творческое кредо, было Рут Бернхард. 70-летняя королева ч/б печати, прославленная фото-исследовательница обнаженных женских форм взяла подающего надежды Кенну к себе в ассистенты. Восемь лет их совместной работы вылилось в плодотворный совместный творческий итог.

Рут подпитывала своим опытом и неувядающим жизнелюбием неокрепшие ростки художественных поисков Кенны, и от того по-прежнему чувствовала себя востребованной. Майкл же получил гораздо большее. «До встречи с Рут я считал себя неплохим печатником, Энтони Блейк был мною очень доволен. После встречи с Рут я признал, что ровным счетом ничего не смыслю в фото-печати», – рассказывает Кенна. Бернхард в совершенстве обладала всеми навыками

profile: Michael Kenna

© Michael Kenna

шире, смотрите на него своими глазами и печатайте его изображение лишь в соответствии с вашими личными представлениями». Майкл усвоил у Рут не только основы подхода к изготовлению фотоотпечатков, выработав целую философию фотоотпечатка из «темной комнаты», но и разделил ее взгляды на жизнь, которые заключались в постоянной готовности открыться новому, увидеть свет там, где его не заметят другие, открыто сказать жизни «да!».

«Майкл, можно ли утверждать, что восемь лет, проведенных в сотрудничестве с Рут, стали завершающей дистанцией на пути вашего творческого становления, окончательно свели все мосты, разведенные во время тщетных попыток найти себя в некоммерческой фотографии в Англии?» – «Что свели, то свели. Я приобрел железную уверенность в правильности своего нового взгляда на место отпечатка в технологической цепи пленочной фотографии. Во мне зародилась уверенность художника, знающего, или, может быть, лишь интуитивно чувствующего, куда он движется».

Напечатать мечту

В Америке Кенна еще теснее духовно породнился с пикториализмом Штиглица, Майнора Уайта и Судека. Здесь этому направлению придавали историческое значение. Ему

противопоставлялось творчество другой иконы американской фотографии – Анселя Адамса. Фотография Адамса – эталон технического совершенства, символ победы инженерной мысли над непредсказуемой природой, грандиозная идеалистическая картина американского Запада, которая, тем не менее, может запросто разрушиться, если из экспозиционной машины выпадут несколько винтиков. Пребывая в Америке, Кенна изведаль себя в съемке любимых мест Адамса – национальных парков Йосемайт и Йеллоустоун. Но снимки абсолютно не удовлетворили фотографа. Майкл не нашел в них ничего нового, увидев лишь блеклую копию работ мастера, чье творчество не было ему особенно близко.

Тогда он понял две вещи. Во-первых, картинные ландшафты великой природы не могут представлять для него такую сюжетную ценность, как ландшафты более мелкого масштаба, вроде парков, садов, где очень сильно чувствуется человеческое присутствие даже в моменты отсутствия человека. Кенна – не фотограф-пейзажист в классическом понимании. Ему важно услышать мнение природы о действиях людей. В тех местах Англии, где он вырос, человек почти никогда абстрактно ею не интересовался. Он говорил: вот холм, давайте проложим через него дорогу; вот роща,

работы в «темной комнате». Однако у нее не замечалось и недостатка в дерзости по отношению к давно устоявшимся правилам печати фотографий с ч/б негативов. Негатив для нее был чем-то вроде сырого файла RAW, и она в полной мере реализовывала свое право делать с ним все, что угодно. Рут не признавала никаких идейных ограничений в стиле натуралистичности по Анселю Адамсу. Она отказывалась принимать точку зрения Адамса и его последователей, согласно которой то, как окончательно будет выглядеть сцена, решается на этапе съемки. Свободный подход Рут Бернхард к трактовке зафиксированного на негативе рисунка заставил по-другому отнестись к печати и Кенну. «Сегодня я говорю своим ученикам: негатив – это ваш новый мир, необработанная почва, требующая смелого плуга талантливого земледельца. Смотрите на мир

■ [Вверху] Часовые Эрмитажа, набросок 7 Санкт-Петербург, Россия, 2000.

Одушевление статуй – довольно часто встречающийся момент в творчестве Кенны. Безусловно, эти женщины и мужчины создавались человеческой рукой, знающей каждый изгиб их тел, лепящей их по своему подобию. Используемое в немецком языке слово «внук», произошло от старонемецкого словосочетания, обозначающего «молодой дедушка». Подразумевалось переселение души человека. Однозначно, чья-то душа живет и в этих статуях

■ [Справа] Открытая дверь
Монт Сент-Мишель. Франция. 1994
Железный символизм, железная композиция, меланхолия графического ч/б оформления, которую сложно не воспринять. Снимку вряд ли нужны комментарии

© Michael Kenna

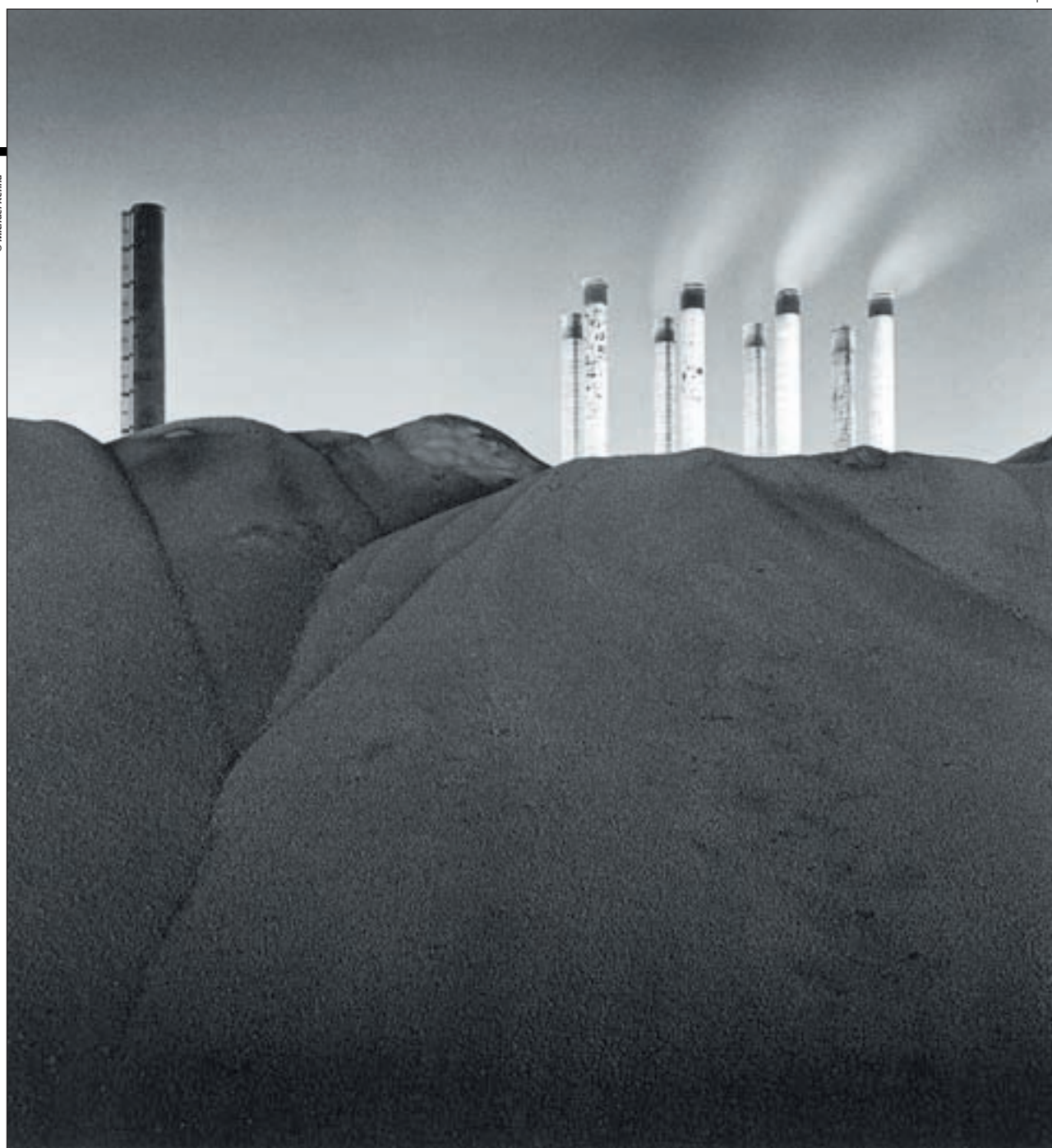
давайте вырубим ее и построим мост; вот поле, давайте превратим его в площадку для гольфа (в лучшем случае, в худшем – построим посреди него очередную рэткилфскую электростанцию). Природа смирилась с этим, более того, примирила и агрессивные постройки, лишила высокомерия статуи, заставила пирсы тосковать по солнцу за горизонтом, словно завершив процесс одушевления того, во что человек таки вложил душу, сам о том не ведая. Вероятно, это происходило из-за отсутствия у анселевского пейзажа опыта тонкого и доверительного «общения» с людьми.

Вторым откровением для Кенны стала противоестественность для его творчества введенного Адамсом термина превизуализация. «Фотограф, пристально вглядываясь в окуляр камеры, дотошно взвешивает целесообразность расположения и разброс тональных зон, представляя, как это будет выглядеть на отпечатке – позвольте, а как же мистика момента, спонтанность художественных решений, продиктованных интуицией, свободный полет мысли и эмоций?», – спрашивает Кенна. Позже он будет часто цитировать комментарий фотографа Рэя Мэцкера по поводу превизуализации, из которого вытекает, что ее вполне оправданно можно сравнивать с творческим запором... Более толерантно Майкл относится к поствизуализации, введенной Джерри Уэлсманном.

Термины терминами, но львиную долю фантазий своих чувств и эмоций он реализовывает именно в процессе печати в «темной комнате». Вот уже на протяжении многих лет Кенна обрабатывает негативы одним и тем же проявителем – кодаковским D-76, зачастую сокращая стандартное время проявки с поправкой на ночные условия экспонирования на 10%. Это чтобы сдерживать контрастность. Его самая ходовая формула проявки любимой пленки среднего формата Kodak Tri-X – D-76, 11,5 мин, 1:1, 20°C. Иногда вместо D-76 Майкл берет Rodinal, но больше – никаких экспериментов. Вся магия рождения фотошедевра переносится на стадию печати. Иногда посредством изменения плотности всей гаммы, вооружившись затемняющими и осветляющими масками, он делает из ночи день и наоборот. Концентрироваться во время продолжительных экспозиций при печати Майклу помогают аудио-кассеты и диски с надиктованными на них рассказами, пьесами его любимых писателей.

Чтобы тот или иной негатив удостоился печати Кенной, зачастую ему просто необходимо «вызреть». Проявив пленку, Майкл не спешит с фотоувеличением. Он делает небольшие печатные образцы наиболее интересных снимков размером 5x7 и развешивает их на стенах своей рабочей комнаты. Таким образом, он словно живет вместе с пробными отпечатками, прислушивается к ним, старается понять, что необходимо в них доработать, чтобы сделать художественнее, выразительнее и передать свои ощущения. В этом отношении Кенна подобен чешскому мастеру натюрморта и пейзажа Йозефу Судеку.

© Michael Kerma

■ [Вверху] **Набросок 18**

Сталелитейный комплекс Rouge Steel, Детройт, США. 1993

И снова поэтизация тяжелопромышленного волдыря на теле многострадальной земли. Но каков смысл возводить это в эстетический ранг? Очень просто: Майкл смиренно принимает текущее состояние дел, и, без излишнего ханжества ищет ростки надежды в тех местах, которые несут столько негатива

■ [Справа] **Набросок 88**

Сталелитейный комплекс Rouge Steel, Детройт, США. 1995

Каждый художник впускает в свое творчество личные переживания прошлых лет. Среди подобных «высоток» фабрик и заводов прошло детство Майкла. Но, как видим, над ними тоже кружатся звезды, и есть такое же небо...

Финальная подборка отпечатков с одного негатива состоит из 45 экземпляров – так называемая эксклюзивная серия. Впервые ее идею ввел в 60-х годах 20-го века владелец сан-францисской галереи Vision Gallery Джо Фольберг, с которым

© Michael Kerma

profile: Michael Kenna

Майкл Кенна (Michael Kenna)

Web: www.michaelkenna.net/

То здесь, то там слышны восхищенные высказывания относительно творчества Кенны, – как считают многие, одного из самых влиятельных ч/б пейзажистов своего поколения. Поистине достойна восхищения стихия, что ночью спит и видит сны о звездах...

Даже фамилия Кенна созвучна с полным названием учения дзен, который в латинской транслитерации выглядит как *zen* и в свою очередь является производным от санскритского *dhyana* или «медитация». Одним словом, этому выходцу из семьи ирландского пролетария на роду было написано уйти в плоскость медитативных измерений. И он пытался сделать это еще в детстве. Родившись в 1953 году, Майкл, малость повзрослев и не найдя места среди труб и коптелиен Виднеса, открыл для себя тишину и уют церковного прихода. Семь лет в семинарской школе позволили ему хорошенько поразмыслить о будущем, прислушаться к своим желаниям и понять причину тоски. Майкл хотел открывать мир.

Все ближе подбираясь к Лондону, все дальше от дома, в 19 лет Кенна пошел совершенствовать технику рисования, к которому он проявлял способности с детства, в школу искусств в Бэнбери, а оттуда попал прямоком в Лондонский колледж печатного дела. Хотя по-настоящему свободно в обращении с негативами он почувствовал себя только после знакомства с Рут Бернхард. Легендарная фотохудожница успела стать свидетельницей творческого триумфа своего ученика сначала в Америке, а потом и во всем мире, написав вступительное слово к нескольким из его тридцати фотоальбомов.

Сегодня Кенна финансово успешный – может быть самый успешный арт-фотограф в Англии, хотя уже давно живет в США, в Портленде. Ежегодно он проводит десятки индивидуальных экспозиций, продолжает наполнять своими отпечатками крупнейшие галереи и музеи мира. В 2001-м году министр культуры Франции присудил ему орден кавалера искусств после того, как фотограф на безвозмездной основе передал обществу *Patrimoine photographique* 6000 негативов, наработанных за годы создания его самой противоречивой серии о концентрационных лагерях в Европе. Но без нее, вероятно, он чувствовал пробел в многолетних исследованиях своих главных тем – воспоминаний о том, что остается, когда человек уходит со сцены, – о времени, жизни и смерти.

тесно сотрудничала Бернхард. Суть ограниченной серии заключается в увеличении стоимости коллекционных отпечатков по мере уменьшения их количества вследствие продажи. Почитатели таланта Кенны привыкли видеть на его многочисленных выставках отпечатки небольших размеров – максимум 20x20 см. Это принципиальная позиция автора, часть его диалога индивидуально с каждым зрителем. Майкл вынуждает зрителя подходить к снимкам ближе, всматриваться пристальнее, изучать детали, затем снова чуть отступить назад, охватывать взглядом всю сцену, и вновь приближаться. Вовлечение зрителя практически неизбежно. Стоит ли говорить, что пленочная фотография, ручная печать и, например, такие последствия естественных химических реакций, как, скажем, пленочное зерно – часть творческой жизни Майкла, которая отвечает за внутренний баланс его духа.

КЕННАсофия пейзажа

На цифровую фотографию у него свои взгляды. «Я могу куда-нибудь поехать на машине, и это будет быстрее, чем я бы добирался пешком, – рассуждает Майкл. – Но мне некуда спешить, ведь в спешке я могу упустить нечто важное. К сожалению, цифровая фотография подразумевает ускорение творческого процесса. Бесчисленное множество безответственных экспозиций, моментальная проверка отснятого материала, соблазн внести визуально привлекательные корректировки за считанные минуты. То, как воспринимает цифру большинство, является ложным видением нового мощнейшего инструмента расширения фото-

© Michael Kenna

графических горизонтов. Есть еще один момент...» Майкл считает, что изначально фотография была сильна своей уникальной связью с реальностью. Цифра априори подразумевает нарушение баланса этой связи. Но все это – издержки прогресса. Когда на свет появилась фотография, многие говорили: живопись умерла. Но этого ведь не случилось! Так обстоит дело и со светописью, ее аналоговая форма дополнилась цифровой, пленка после периода затяжного фолла окончательно акклиматизировалась,

уютно устроилась в свою нишу. Надолго ли и что будет дальше – время покажет.

...«Майкл, а как бы вы сами изложили пункты КЕННАсофии. Надеюсь, вы не станете отрицать факт существования подобной науки». – «Может быть, процитировать что-то из дзен-буддизма? Нет, давайте я лучше спою вам Боба Дилана под караоке», – смеется. К месту сказать, кроме фотографии у Кенны есть два серьезных увлечения: бег на длинные дистанции и рок-музыка. Бег помогает Майклу погрузиться

© Michael Kenna

■ [Слева сверху] **20 Палок Кохоку, Хонсю, Япония, 2003.**
Кенну иногда обвиняют (в основном завистливые критики) в однообразии мотивов. Но ведь сила истинной любви измеряется верой во что-то одно на протяжении всей жизни. И молитва, повторяемая монахом каждый день, одна и та же. К тому же, у времени не бывает двух одинаковых моментов

в состоянии просветляющей медитации, сначала концентрируясь на движениях, затем, растворяясь в их ритме, настроиться на волну плодотворных мыслей. Что касается рока, то это была, пожалуй, единственная амбиция Кенны – научиться пристойно играть на гитаре. («Когда вырасту, хочу стать рок-музыкантом!») Япония с ее постулатами дзен-буддизма и ночные выдержки – два последних аспекта творческого мировоззрения мастера, на которых хотелось бы немного остановиться в рамках беглого ознакомления с КЕННАсофией пейзажа. Очень часто Майкл закрывает крышкой объектив с первыми криками чаек и серыми стонами просыпающегося рассвета. В последнее время, как минимум 2/3 всех его работ отмечены характерной эстетикой длинной выдержки: облака (или дым) в движении; вода, статическая и отполированная как металл; светлые горизонты, контрастирующие с темными силуэтами морских скал; следы звезд на небе, словно продолговатые отпечатки заячьих лапок на снегу.

Продолжительная выдержка устраняет все слишком динамичное, переходящее, мало-существенное. Ночь – естественное время для сна у человека. Парки, аллеи, улицы, набережные в сумерки уже остаются наедине с собой, Майкл – наедине с ними. Ничто не препятствует обмену секретами, драмами, историями, воспоминаниями. Ночью культивированные человеком ландшафты раскрепощаются и охотно выдают свои тайны. Порой, прежде чем фотографировать ландшафты, Кенна устанавливает с ними определенные близкие отношения, прохаживаясь днем между деревьев, камней и холмов, мысленно разговаривая с ними. Он утверждает, что так осуществляется обмен энергией, которая затем аккумулируется в снимках. И, глядя на них, хочется в это верить. На вопрос, чем он занимается на протяжении всех тех восьми часов, в течение которых

■ [Слева внизу] **Одинокий волнолом Пляж Шательйон, Франция. 2000**
Безумно сильная бетонная композиция на фоне хрупкой поверхности воды. Вода – постоянно находится в движении, но здесь она застыла, словно выражая свою солидарность с этим исполином. Иногда все элементы композиции как бы соединяют свои голоса в единой песне вселенской гармонии

■ [Справа] **Дерево и гора Сад в Кумамото, Кьюши, Япония. 2002**
Дзен-буддисту этого дерева более чем достаточно для плодотворной медитации. Опустошив себя, он легко как птица взлетит на соседнюю гору. А знать о том, что можно будет увидеть оттуда – это уже высшая стадия просветления

открыт затвор камеры, Майкл приводит дзен изречение: оставь все хлопоты в другом измерении, в этом измерении просто сиди и слушай, слушай, слушай. «Ночью, когда мои глаза привыкают к темноте, я вижу такое, что не описано ни в одном астрономическом учебнике, исторической хронике или географическом трактате. Молчание ночи, шепот снега, крик дождя – прекрасные звуки, бесценные звуки». Собственно, из всего этого вытекает и увлечение Кенны эстетикой японского искусства, и следование советам философского учения дзен-буддизма, и максимальный уклон в сторону минимального сюжетного формализма. Поэзия хокку также имеет японские корни, а ведь, может быть, ничто так точно и лаконично не описывает фотографию Кенны, как сравнение с трехстишиями хокку: в них краткость,

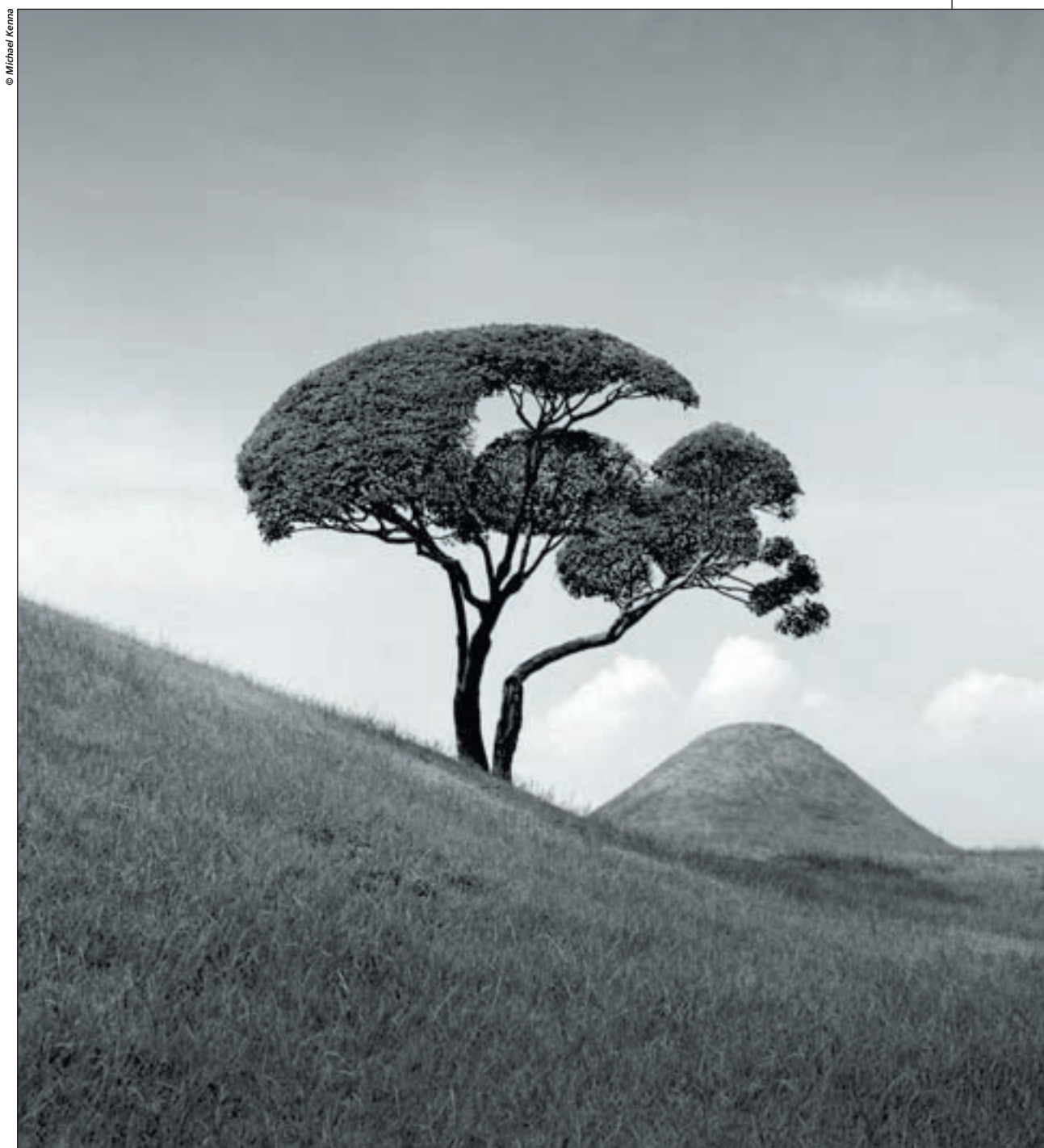
намек, тонкое, но глубочайшее переживание, настроение, атмосфера, жизненная история. «Подобно хокку, мои работы намекают. Они не описывают и не объясняют, а лишь с легкой улыбкой или горько-сладкой нотой грусти манят к себе пальцем». В снимках Кенны присутствует и изрядная порция эстетики японского мировосприятия, известной на Западе как ваби-саби. Красота мимолетного, незавершенного, вызывающая чувство меланхолии и духовной жажды, – Кенна мастер ее передачи.

Еще одна черта «характера» красоты по-японски, которая импонирует Майклу, – спонтанность самовыражения, подобно тому, как это делают мастера живописи суми-е и каллиграфии. Он даже сравнивает пленочное зерно с мазками кисти художника, работающего в стиле суми-е. Наконец, есть японские

пейзажи – основной сюжет зрелых работ Кенны. За последние 15 лет он побывал в Стране восходящего солнца бесчисленное количество раз, а все не перестает умиляться какой-то внутренней центральности тамошних ландшафтов, бесспорной лаконичности, самодостаточности и достоинству, которое им помогают поддерживать люди...

КЕННАсофия пейзажа. Пожалуй, чтобы основательно освоить эту науку, стоит ввести факультативные курсы. Возможно, Майкл согласится на безвозмездной основе читать лекции украинским любителям фотографии точно так же, как согласился поделиться сокровенным с DP. Только нужно набрать достаточное количество желающих, и готовиться к новому образу жизни – ведь ночью придется не спать, а слушать и смотреть.

Дмитрий Восколович

© Michael Kenna